

УБИЙСТВО В КЕМБРИДЖЕ
СЛУЧАЙ В МУЗЕЕ ФИЦУИЛЬЯМА

ДЖИМ ЭЛДРИДЖ

КАРЬЕРА ПРЕСС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кембридж, 1894 год

Дэниел Уилсон стоял перед музеем Фицуильяма, что в Кембридже. Взгляд его прошелся по широким каменным ступеням, поднимавшимся к восьми высоким белым колоннам, на которых покоился резной фриз, украшавший собой переднюю часть здания. «Впечатляет. Внушительно. Но меня этим не проймешь», — подумал он, поднимая по ступенькам свой небольшой саквояж. В бытность свою на службе под началом у Абберлайна он не раз бывал в местах не менее впечатляющих и внушительных, к примеру, в вестминстерском Парламенте и даже в Букингемском дворце, — хотя во дворец, правду сказать, их впустили через дверцу для прислуги, а не через парадный вход. После этого даже великолепное здание музея Фицуильяма не производило на него особенного впечатления.

Дэниел преодолел последнюю ступеньку и встал перед высокой зеленой дверью главного входа. Дверь была закрыта. Он сверился с часами. Без четверти восемь.

Дэниел дернул за шнурок дверного звонка и подождал. Выждал минуту, однако открывать ему не спешили, и он подергал снова, уже несколько раз подряд.

Дверь приоткрылась самую малость — ровно настоль-

ко, чтобы из нее смогла выглянуть женщина в переднике и косынке на голове. В руках у женщины была метла.

— Закрывается, — сказала она. — Для посетителей открываемся в десять.

И хотела было захлопнуть дверь, однако Дэниел просунул в щель ботинок, расстроив сей план.

— Мое имя Дэниел Уилсон, — сказал он. — Я частный агент по расследованиям и прибыл по приглашению сэра Уильяма Маккензи. — Помолчал и добавил: — По поводу трупа.

Он заметил, что, услышав это слово, женщина поежилась. Придя в себя, она покачала головой:

— А сэр Уильям не приходил еще.

— Я знаю, — сказал Дэниел. — Однако он попросил меня сразу же по прибытии войти и начать осмотр.

Поколебавшись еще некоторое время, женщина неохотно сказала:

— Ну входите тогда, что ли.

Дверь открылась шире, и Дэниел шагнул внутрь.

— А вы точно агент? Бумаги у вас есть? — спросила она. На ее лице читалось подозрение. — А то нас предупреждали, чтоб держали ухо остро и не пускали всяких там, кому просто поглазеть охота, где оно случилось.

Дэниел полез в карман и достал плотный конверт с телеграммой, полученной накануне вечером от сэра Уильяма. К телеграмме он присовокупил свою визитную карточку.

— Вот, — сказал он, протягивая бумаги женщине. — Тут все написано: я — это я.

Женщина смерила карточку и конверт подозрительным взглядом, но в руки не взяла. Вместо этого буркнула:

— Тут подождите. Пойду позову Элис, она здесь главная.

С этими словами она заперла входную дверь и, не выпуская из рук метлы, стала спускаться по мраморной лестнице, предупредив напоследок:

— И ничего не трогайте!

Дэниел стоял, пытливым взглядом изучая пышное убранство музея и гадая, был бы оказанный ему прием иным, объяви он себя детективом из Скотленд-Ярда. Нет, едва ли. По годам, проведенным в отряде Абберлайна, он помнил, что, куда бы ни явились его сослуживцы — в великолепный дворец наподобие этого или в грязный незаконный притон для пропойц, — всюду их ожидал самый нелюбезный прием. Никому не нравится, когда полиция сует нос в твои дела. А уж частные агенты-расследователи и вовсе никому не по нутру.

Он стоял, разглядывая высокие массивные колонны пестрого черно-зеленого мрамора в золотой отделке, упирающиеся в расписные своды потолка. Роскошь. Деньги. Солидность. Величие. Но и это величие нуждалось в маленьких людях, таких вот уборщицах и зрителях, без которых оно неизбежно впало бы в ничтожество.

Уборщица появилась вновь, на сей раз в обществе суроволицей особы, также в переднике и косынке.

— Мистер Уилсон? — без лишних церемоний осведомилась особа.

— Да, мэм, — кивнул Дэниел и вновь протянул конверт с телеграммой и визитную карточку. На сей раз бумаги у него приняли. Особа вытасила телеграмму, прочитала ее, изучила визитную карточку, после чего вернула Дэниелу и то и другое.

— Что ж, хорошо, — сказала она. И, повернувшись к уборщице, приказала: — Мэвис, отведи мистера Уилсона в египетскую комнату.

Мэвис помотала головой.

— Нет уж, я туда ни ногой, — сказала она. — Это ж страх что там случилось. И в полиции тоже сказали — никого не пускать.

— Что за глупости! — укорила ее Элис. — Полиция все там уже осмотрела.

— Так-то оно так, а вдруг он еще там? — поежилась ее собеседница. — Ну, призрак?

— Призраков не бывает, — отрезала Элис.

— Все равно не пойду, — упрямо сказала Мэвис. — Мне и Билл сказал: не ходи. Неправильно это.

— Если вы доведете меня до входа в египетскую комнату, дальше я и сам справлюсь, — предложил Дэниел, не желая ссорить женщин.

Но Мэвис вновь упрямо мотнула головой.

— Я здесь после такого не останусь, — сказала она. — Вот и Билл мне так сказал, и правильно сказал-то. До вечера отработаю, и все на том.

Элис с самым мрачным видом уставилась на Мэвис.

— Что ж, хорошо, — сказала та. — Но я очень разочарована.

Повернувшись к Дэниелу, она сделала приглашающий жест:

— Следуйте за мной, мистер Уилсон, будьте так любезны.

Спускаясь по мраморной лестнице вслед за Элис, Дэниел извиняющимся тоном заметил:

— Сожалею, что мое появление вызвало такую бурю.

Элис пренебрежительно махнула рукой:

— Мэвис просто полоумная. Что б ни делать, только б не работать, знай повод ищет. Теперь вот о привидениях заговорила. У нее давно уже мозги набекрень, и где только цепляет всю эту ерунду.

Лестница осталась позади. Пара массивных каменных

львов — или, точнее, неких существ, отдаленно напоминавших львов, — застыла по обе стороны широкого входа.

— Вот здесь его нашли, — сказала Элис.

Следом за ней Дэниел вошел в комнату, миновал ряды уложенных на хранение артефактов, которые, по-видимому, дожидались, покуда их выставят на всеобщее обозрение, и встал перед большим массивным ящиком серого камня: то был саркофаг. Крышка с него была снята и стояла прислоненная к серому боку.

— Он был там, внутри, — сказала Элис.

— Понимаю, — произнес Дэниел. — Кто нашел тело?

— На вопросы вам пусть сэр Уильям отвечает, ежели вы не против, — чопорно ответствовала Элис. — А у меня и без того хлопот полон рот.

— Хорошо, — кивнул Дэниел. — Не будете ли вы столь любезны сообщить секретарю сэра Уильяма о моем присутствии? Кроме того, буду признателен, если вы известите всех находящихся в здании о том, что я запрещаю входить в это помещение кому бы то ни было, пока не закончу.

Она замялась, словно бы желая возразить, но затем кивнула и направилась к двери, ведущей на лестницу.

Оставшись в одиночестве, Дэниел Уилсон не спеша прошелся вдоль многочисленных и разнообразных египетских артефактов, в изобилии хранившихся в комнате. А также в соседних, поскольку, как увидел Дэниел, египетская комната оканчивалась выходом в следующую такую же, а та — еще в одну.

А хранились здесь истинные сокровища. Некто, очевидно, предпринял попытку упорядочить это пестрое собрание: у одной стены выстроились в ряд изысканные статуи самого необычного вида — с человеческими телами в натуральную величину, но на плечах у одних сидели соко-

линые головы, у других — кошачьи, а кое у кого за спиной выступали крылья, и все это было вырезано в камне, на поверхности которого до сих пор виднелись поблекшие следы некогда покрывавших его красок. Но сильнее всего притягивали взгляд мумифицированные тела, ткань, в которую они были завернуты, полуистлела и пожелтела от времени. Были среди них совсем маленькие, младенцы, — их обернутые в ткань тельца нашли последний приют в ветхих плетеных корзинах. Были крупные, взрослые — эти покоились в гробах из лозы или камня. Дэниел заметил, что у одной из больших мумий ткань истлела до такой степени, что из-под покрывала торчала обтянутая кожей кость ноги. «Сколько же им лет? — спросил он себя. — Четыре тысячи? Пять? Еще больше?»

Однако тут его задумчивое созерцание было прервано женским голосом, который гневно выпалил:

— Да как вы смеете! Запрещать — мне? Нет, это возмутительно!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обернувшись на голос, Дэниел увидел высокую, хорошо одетую и — вынужден был признать он — привлекательную даму лет тридцати пяти, устремившую на него гневный взгляд.

— Прошу прощения, мадам, — сказал он, — однако в настоящий момент египетская коллекция для посетителей закрыта.

— Я не посетитель. Я работаю над описью коллекции для музея, — отрывисто бросила она.

— Возможно, — начал он, — но здесь было найдено тело, и меня попросили прояснить связанные с этим обстоятельства. Меня зовут Дэниел Уилсон...

— Я знаю, кто вы такой, — перебила его дама. — Бывший инспектор Уилсон из лондонской полиции, помощник старшего инспектор Абберлайна в нашумевшем деле Джека-потрошителя, ныне — частый детектив. Сэр Уильям сказал мне вчера, что отправит вам телеграмму.

— Не детектив, а частный агент по расследованиям, — вежливо уточнил Дэниел. — Но вы знаете обо мне больше, чем я о вас, мадам.

— Меня зовут Абигайль Фентон, я археолог, окончила с отличием Гиртон-колледж, классические науки. Я вам не

досужая зевака. Как я уже сказала, правление музея попросило меня составить опись египетской коллекции, и я же нашла тело.

— Понимаю, — сказал Дэниел. — В таком случае я с превеликим интересом выслушаю все, что вы пожелаете сказать, миссис Фентон...

— Мисс, — напористо перебила Абигайль.

— Мисс Фентон, — поправился Дэниел и жестом указал на саркофаг: — Не могли бы вы показать, как именно обнаружили тело и в каком положении оно пребывало?

Абигайль встала рядом с ним.

— Это произошло вчера, в среду, около десяти часов утра. Накануне этого дня я уже осматривала экспонат и снаружи, и изнутри.

— Вы велели кому-то снять с него крышку? — спросил Дэниел. — Она очень тяжелая.

Абигайль покачала головой:

— Крышка уже была сдвинута в сторону, и я смогла заглянуть внутрь. Во вторник саркофаг был пуст. Я знаю точно, поскольку тщательно осматривала его изнутри на предмет украшений; древние египтяне питали пристрастие к ярким краскам и росписям.

— Да, я вижу, — кивнул Дэниел, обводя рукой содержимое просторной комнаты — многие экспонаты и впрямь были ярко раскрашены.

— Как вы сами увидите, внутренность этого саркофага ничем не украшена; все росписи находятся снаружи. Однако во вторник вечером, уходя из музея, я оставила крышку сдвинутой, поскольку намеревалась на следующий день более подробно осмотреть саркофаг изнутри — в камне могли остаться отверстия, указывающие на использование декоративных элементов иного типа.

— А когда вы вернулись в среду утром...

— Крышка была закрыта. Я решила, что это сделал кто-то из сотрудников, возможно из соображений безопасности, хотя я совершенно уверена в том, что, когда уходила, крышка лежала вполне надежно и не могла соскользнуть...

— Разумеется, — пробормотал Дэниел.

— Я стала толкать ее вбок — она шла на удивление легко, поскольку египтяне отполировали внешнюю сторону саркофага буквально до блеска, — и тотчас поняла, что внутри что-то есть. Поначалу мне показалось, что кто-то сбросил туда груды старого тряпья, но потом я увидела человеческую голову...

— Если вам тяжело об этом вспоминать... — ненавязчиво начал Дэниел.

— Ничего подобного! — отрезала Абигаиль. — Жизнь и смерть — совершенно естественные явления. Я недавно вернулась с археологических раскопок в Газе, так вот в Египте жизнь гораздо опаснее, чем здесь, в Британии. Для египтянина смерть — самое обыденное дело.

— Прошу прощения за чрезмерную заботу о ваших чувствах, — сказал Дэниел.

Она фыркнула, но словно бы несколько смягчилась.

— Прошу прощения за резкость, — ответила она ему в тон. — Но я по горло сыта этими танцами, как будто если я женщина, значит, непременно нежный цветок. Далеко не все женщины страшатся вида смерти и ран. В противном случае мир не увидел бы Флоренс Найтингейл или ее сестер милосердия, которые несли утешение солдатам и ухаживали за ними в Крымскую войну.

— Да-да, разумеется, — согласился Дэниел, про себя отметив, что эта особа — грозный противник, однако в подходящих обстоятельствах может быть и очень полезным союзником.

— Поначалу я решила, что это пьяница приткнулся, но

алкоголем от него не пахло. Потом я заметила, что голова вывернута неестественным образом, и поняла, что шея у него как будто сломана.

— Вы учились медицине? — спросил Дэниел.

Она покачала головой.

— Я видела в Египте тело повешенного. Голова у него была повернута под тем же углом к телу.

«В самом деле, поразительная женщина, — подумал Дэниел. — Бесстрашная, ничем ее не проймешь».

— Я немедленно отправилась к сэру Уильяму Маккензи и сообщила ему о своей находке. Сэр Уильям спустился, подтвердил мои выводы и вызвал полицию. — Ее глаза потемнели. — Приехал какой-то недоумок, инспектор по имени Дрэббл, и тут же велел мне выйти вон. Сказал, что труп — неподходящее зрелище для женщины. Я указала ему на то, что тут повсюду трупы, вот, например, мумии, однако он стоял на своем и даже вызвал констебля, велел ему выпроводить меня из комнаты. Я пожаловалась сэру Уильяму, однако он сказал, что полиция вправе распоряжаться на месте преступления. Инспектор Дрэббл даже не спросил меня о трупе, невзирая на то, что обнаружила его именно я.

— И не без причины, — резко вмешался чей-то голос.

Собеседники обернулись и увидели силуэт спускающегося по лестнице мужчины невысокого роста, круглого и усатого, на голове у которого плотно сидела шляпа-котелок. Пуговицы сюртука с трудом сдерживали напор плотного брюшка.

— Инспектор Дрэббл, я полагаю, — сказал Дэниел. — Я — Дэниел Уилсон...

— Я знаю, кто вы, — бесцеремонно оборвал его Дрэббл.

— А я полагаю, вы наконец-то решили расспросить меня о том, как я нашла тело, — заметила Абигайль с явственным укором в голосе.

— Ошибаетесь, — сказал Дрэббл. — Всю необходимую информацию я уже получил от сэра Уильяма Маккензи и прочих сотрудников.

— Но тело нашла я! — гневно вскричала Абигайль.

— Я знаю, у меня записано, — холодно ответил Дрэббл и повернулся к Дэниелу: — Сэр Уильям сообщил мне, что для расследования этого случая он обратился к вам.

Дэниел кивнул:

— Совершенно верно.

— Я сказал ему, что в вашем присутствии нет необходимости и что оно может помешать работе.

— В самом деле? — ответил Дэниел.

Он ожидал чего-то подобного. Не раз и не два бывало, что, будучи приглашен провести расследование, он сталкивался с враждебностью местных полицейских, не жаловавших чужаков.

— Я считаю, что в вашем присутствии нет необходимости, поскольку мы уже изучили ситуацию и исследовали здание, после чего пришли к выводу, что покойный вломился в музей ночью во вторник. Окна и двери, ведущие на улицу, были закрыты, а значит, он влез по водосточной трубе на крышу, пересек ее, оказался над внутренним двориком и спустился по очередной водосточной трубе. Окна и двери, ведущие во внутренний двор, запираются не так надежно, и он сумел пробраться в здание.

— Какой замысловатый маршрут, — задумчиво заметил Дэниел.

— Мы осмотрели все здание. Это единственный вариант, — сухо отозвался Дрэббл.

— Но что, если его попросту кто-то впустил? — предположил Дэниел.

— Мы поговорили со сторожами, которые были на посту в ту ночь, и оба утверждают, что при них в здание

никто не входил, — сказал Дрэббл. — Как я уже сказал, все улики указывают на то, что этот человек намеревался украсть некие артефакты и полез за ними в саркофаг, но был убит упавшей крышкой.

— Значит, таков ваш вывод?

— Да. Конечно, мы продолжим расследование на случай, если появятся новые улики, и тогда пересмотрим свои выводы. — Он шагнул к Дэниелу и подался вперед. — Если кто и раскроет это дело, Уилсон, то только я и мои люди. Мы, здешние полицейские. Мы работаем по правилам, не то что так называемые частные агенты по расследованиям. Лично я убежден, что вы с Абберлайном лишь мешаете полиции. Несколько шумных дел, которые вы раскрыли по чистой случайности, и вот вы уже сделали себе имя. — Он фыркнул. — Вы ведь так и не передали Джека в руки правосудия, а? Все это пустая похвальба. Вам с Абберлайном попросту повезло.

Давно привыкнув к такого рода нападкам, Дэниел пропустил сказанное мимо ушей, но выпад в адрес любимого бывшего начальника его покоробил.

— За время службы в полиции старший инспектор Абберлайн не раз получал награды и благодарности, на момент выхода на пенсию — общим числом восемьдесят четыре, — огрызнулся он. — А у вас сколько?

— Не морочьте мне голову, Уилсон, — отрезал Дрэббл. — То, что вы называете частным расследованием, я называю выманиванием чужих денег под прикрытием дутых заслуг. Вы нам тут не нужны, вам здесь не рады.

— По-видимому, сэр Уильям считает по-другому, иначе зачем бы он ко мне обратился, — хладнокровно парировал Дэниел, усилием воли беря себя в руки. — Но уверяю вас, что, если мы с мисс Фентон обнаружим какие-либо новые факты, мы поделимся ими с вами.

От такой наглости Дрэббл только рот разинул. Он перевел взгляд с Дэниела на Абигайль, потом обратно.

— С нею? — потрясенно выговорил он.

— Мисс Фентон не только обнаружила тело — помимо этого она специалист по Древнему Египту, а следовательно, сможет пролить свет на вопрос о том, зачем покойный явился в музей и за что его могли убить.

— Это несчастный случай, сказано вам! — взъярился Дрэббл и наставил на Дэниела обвиняющий палец. — А вы выдумываете невесть что, лишь бы нажиться!

— Что вы, напротив, я намереваюсь докопаться до самой сути дела, как то и подобает настоящему полицейскому, действующему или бывшему.

Дрэббл буквально испепелил его взглядом. Видно было, что он кипит от ярости, но держится из последних сил.

— Какой-то проныра и какая-то дамочка! — выплюнул он. — Я вас предупреждаю: только попробуйте помешать расследованию — арестую обоих!

С этими словами инспектор развернулся на каблуках и с топотом стал подниматься по лестнице.

Абигайль подождала, покуда он скроется, и повернулась к Дэниелу. На лице у нее было написано глубочайшее удивление.

— Вы обо мне? — спросила она.

— Если вы готовы работать со мной вместе, — сказал Дэниел.

Она улыбнулась.

— Инспектор Дрэббл будет недоволен?

Дэниел кивнул:

— Безусловно.

— Тогда я твердо намерена участвовать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Итак, мы с вами детективы. Каков будет наш следующий шаг? — спросила она.

— Я хотел бы побеседовать со сторожем, который дежурил во вторник ночью.

— Сторожей двое, и они дежурят по очереди, — сказала она. — Их зовут Гарри Элдер и Джозеф Рэнсом. Мисс Сэттери, секретарша сэра Уильяма, может рассказать вам про них поподробнее. Один дежурит сегодня с половины седьмого вечера, но я не помню который.

— Спасибо, — сказал Дэниел. — Кроме того, надо осмотреть тело. Хотя, если его забрал инспектор Дрэббл, это будет нелегко.

Она улыбнулась:

— К счастью, дело обстоит гораздо проще. Ни друзья, ни родные бедняги так и не объявились, поэтому его тело отвезли в Гонвилл-энд-Киз.

Дэниел ответил ей непонимающим взглядом.

— Это больница так называется? — спросил он.

Она рассмеялась.

— Извините, — сказала она. — Как-то привыкаешь, что все вокруг знают, что где в Кембридже. Гонвилл-энд-Киз — произносится «Киз», а пишется «Ки-юз», в

честь основателя Джона Киза, — это колледж с очень давними медицинскими традициями. И когда я предложила доктору Кину...

— Кто такой доктор Кин? — спросил Дэниел.

— Доктор Томас Кин, — объяснила Абигаиль. — Инспектор Дрэббл не желал и слышать о том, что покойный был убит, и тогда я решила, что можно попросить доктора Кина провести вскрытие, которое, возможно, позволит определить причину смерти.

— И доктор Кин согласился?

— О да. У доктора Кина невероятно пылкий ум. Большая удача, что в Кембридже есть такие люди, прогрессивные, не скованные устаревшими взглядами. Свободомыслящие.

— Очевидно, вы питаете к доктору Кину глубокое уважение, — сказал Дэниел. — Вы знакомы?

Она покачала головой:

— Нет, я лишь дважды его видела, и оба раза благодаря моей сестре Белле. Она выдает книги в публичной библиотеке и устраивает всевозможные мероприятия ради поощрения бедняков к овладению грамотой, и доктор Кин — их неизменный посетитель. Сестра одержима мыслью о преобразовании общества в пользу большего равенства, и тех же взглядов придерживается доктор Кин. Хотя его устремления лежат скорее в области заботы о здоровье бедняков.

— Чрезвычайно достойный человек, — сказал Дэниел. Но расспросить еще о докторе Кине и о сестре Абигаиль не успел, поскольку в комнату вошла Элис, старшая уборщица.

— Сэр Уильям сегодня рано, — объявила она. — Мистер Уилсон, он спрашивает, не подниметесь ли вы к нему.

— Разумеется, — сказал Дэниел и повернулся к Аби-

гайль: — Я поговорю с сэром Уильямом, а затем, вероятно, нам следует отправиться в Гонвилл-энд-Киз к доктору Кину, чтобы узнать, исследовал ли он уже тело.

— Прекрасно, — кивнула она. — Пойдемте вместе.

Кабинет сэра Уильяма Маккензи располагался на верхнем этаже музея, в лабиринте коридоров. Дэниел был втайне благодарен Элис, которая любезно проводила его до места, поскольку в противном случае скитаться бы ему по коридорам до бесконечности, тем более что указателей, которые позволили бы отыскать путь к кабинету, здесь не было и в помине.

Элис остановилась у темной дубовой двери, энергично постучала в нее костяшками пальцев, приоткрыла и громко сказала:

— Мисс Сэттери, тут мистер Уилсон к сэру Уильяму.

— Входите, мистер Уилсон, — пригласила его дама средних лет, вставая из-за письменного стола. — Сэр Уильям ждет вас.

Дэниел поблагодарил Элис (после чего та удалилась) и, когда мисс Сэттери направилась ко внутренней двери, обратил свое внимание на кабинет, в котором находился. Кабинет был невелик, но выглядел чрезвычайно аккуратно и опрятно. Как и сама мисс Сэттери. Лет ей было около пятидесяти, прикинул Дэниел, и она была из тех, кто умеет навести порядок в любом деле. Дэниелу пришла поразительная мысль: если судить по Абигайль Фентон, Элис и мисс Сэттери, сэр Уильям окружил себя исключительно сильными, волевыми женщинами.

— Мистер Уилсон, — объявила мисс Сэттери.

Она жестом предложила ему войти, однако прежде, чем последовать за ее приглашением, он сказал:

— Я был бы благодарен, если бы вы поделились со

мною сведениями о ваших ночных сторожах — мистере Элдере и мистере Рэнсоме. Будьте так любезны.

— Конечно, — сказала она. — После вашей встречи с сэром Уильямом я дам вам справку.

Кабинет сэра Уильяма Маккензи разительно отличался от владений его секретарши: на столе и на всех прочих поверхностях, включая подоконник, высились целые горы книг и бумаг всех сортов.

Сэр Уильям был высокий, сухощавый, седовласый джентльмен за шестьдесят; Дэниел заметил, что грудь его темного жилета была обильно усыпана сигарным пеплом. Пепел лежал и на столе, и Дэниелу подумалось, что для аккуратной и педантичной мисс Сэттери это зрелище должно было быть сущей мукой.

— Сэр Уильям, — приветствовал хозяина кабинета Дэниел.

Они пожали друг другу руки, и сэр Уильям жестом предложил Дэниелу сесть по другую сторону стола.

— Благодарю вас за то, что откликнулись столь быстро, мистер Уилсон.

— Я считаю, что для расследования полезно как можно скорее осмотреть место происшествия, куда след еще не остыл. Я выехал из Лондона первым же поездом.

— Полагаю, с инспектором Дрэбблом вы уже познакомились?

— Да, сэр.

— Он настаивает на том, что это несчастный случай.

— Да, он весьма настойчиво продвигает эту точку зрения.

— К какому же выводу пришли вы? Несчастный случай или нечто более зловещее?

— Я еще не успел полностью осмотреть место, где было найдено тело. Однако мне кажется, что несчастный случай

или нет, а мертвец в саркофаге — это загадка, которая заслуживает самого пристального внимания. Труп передан для вскрытия специалисту, и я надеюсь, что, переговорив с ним, я буду располагать более обширными сведениями.

— Ах да, доктор Кин из Гонвилл-энд-Киз, — кивнул сэр Уильям. — Замечательный человек.

— Именно таким его описала мисс Фентон, — сказал Дэниел.

— Да, она особа до крайности... решительная, — сказал сэр Уильям. — Ее недовольство действиями инспектора Дрэббла стало одной из причин, сподвигнувших меня пригласить вас для проведения частного расследования.

Он помолчал и добавил:

— Мне рекомендовал вас сэр Джаспер Стоун из Британского музея. Он рассказал об инциденте с пропавшими саксонскими украшениями и о том, как вы разоблачили воров. Он сказал, что, если нам случится оказаться в аналогичной ситуации, он очень советует обратиться именно к вам. И что же — мы и впрямь оказались перед схожей проблемой.

— Я очень благодарен сэру Джасперу, — сказал Дэниел.

— Нам необходимо знать правду, — продолжал сэр Уильям. — Музей Фицуильяма пользуется безупречной репутацией, и такое... из ряда вон выходящее событие может плохо на ней сказаться. Из храма знаний и науки музей превратится в место, где находят трупы. Людей серьезных это может отпугнуть.

«И богатых меценатов тоже», — добавил Дэниел про себя.

— Заверяю вас, я сделаю все возможное, чтобы разрешить это дело наиболее удовлетворительным образом, в кратчайшие сроки и со всей возможной тщательностью.

— Да, сэр Джаспер сказал, что в инциденте с Британским музеем ваша скрупулезность сыграла немаловажную роль, — заметил сэр Уильям. Он открыл ящик стола и достал конверт, который передал Дэниелу. — Пока вы в Кембридже, мы устроили вам комнату в небольшом, но крайне респектабельном пансионе. Его содержит миссис Локсли, вдова, весьма практичная особа. Когда к нам приезжают читать лекции, мы всегда селим лекторов у нее, и они неизменно высоко оценивают как само жилье, так и гостеприимство хозяйки. Насколько мне известно, в настоящий момент у нее проживает еще двое джентльменов.

— Благодарю вас, сэр Уильям, — сказал Дэниел, беря конверт. — Глубоко признателен за гостеприимство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Идя вместе с Абигаиль по Трампингтон-стрит, а затем по Кингс-Пэрейд в сторону Гонвилл-энд-Киз, Дэниел не мог не думать о том, насколько иначе здесь дышится — не сравнить с Лондоном. И ведь тоже крупный город, но насколько же они разные. Лондон, в котором он родился и жил, был затянут дымом, и стены домов в нем чернели от сажи и копоти тысяч угольных очагов, каминов и домен. Его собственный уголок города, дом в слитном ряду таких же домов близ Морнингтон-Кресент, располагался достаточно близко к трем главным вокзалам — Юстон, Сент-Панкрас и Кингс-Кросс, — и угольная пыль поездов, бесконечной чередой прибывавших и отъезжавших от перронов, слой за слоем ложилась на его стены, а ветер нес черный слой дыма. Дым этот часто — слишком часто — смешивался с туманом, превращаясь в густой, как гороховый суп, смог, грозивший удушьем всякому, кто решится выйти на улицу в такие дни.

В Кембридже было не в пример чище. Да, трубы на домах тут и там курились дымом, но дым этот никак не мог тягаться с лондонским. Может быть, все дело было в том, что Кембридж стоял на плоской равнине в окружении полей и деревень, в то время как центр Лондона состоял из

высоких, плотно подступивших друг к другу зданий, которые не давали развеяться дыму и вони из внутренней его части. И действительно, идя по Кингс-Пэрейд, Дэниел то и дело замечал за университетскими зданиями пятна лугов и полей.

Он почти ожидал, что, проходя мимо величественных древних зданий, Абигайль что-нибудь скажет об их истории, и уж конечно не обойдет своим вниманием величавую громаду, которая (судя по надписи на массивной табличке) была часовней Кингс-колледжа и в глазах Дэниела не уступала великолепием самому Вестминстерскому аббатству. Но Абигайль словно не замечала всех этих чудес, которые, должно быть, составляли привычную часть жизни в Кембридже, и знай шагала, всем своим видом выражая нетерпеливое желание поскорей перейти к следующему этапу расследования, то есть — к результатам вскрытия.

Трампингтон-стрит превратилась в Кингс-Пэрейд, а та, в свою очередь, так же плавно перетекла в Тринити-стрит.

— Пришли, — сказала Абигайль, останавливаясь у древнего здания светло-коричневого песчаника; камень вокруг окон и дверей был украшен резными узорами в средневековом стиле. — Гонвилл-энд-Киз.

— Какое старое здание, — отметил Дэниел.

— Первым основателем колледжа был Эдмунд Гонвилл в 1348 году, — сказала Абигайль.

— А были другие? — удивился Дэниел.

— О да. В следующие двести лет колледж стал испытывать финансовые затруднения и пребывал уже на грани закрытия, однако на помощь пришел богатый врач по имени Джон Киз, и в 1557 году колледж был основан вторично. По правде говоря, фамилия его так и писалась без затей — Киз, — но он решил переделать ее и писать

«Киюз» на латинский манер, поскольку счел, что так звучит солиднее, как то и подобает новоиспеченному основателю кембриджского колледжа.

— Суета сует, — процитировал Дэниел.

Абигайль бросила взгляд в его сторону.

— Экклезиаст, — отметила она. — Что, мистер Уилсон, вы религиозны?

— Не то чтобы слишком, — уклончиво ответил Дэниел. — Но цитата-другая порой бывает уместна, а к истории доктора Джона Киза эта буквально напрашивается.

Абигайль вошла в двери парадного входа, Дэниел последовал за ней, и, вволю поплутав по лабиринту коридоров и ступеней, они очутились в подвальной комнате, превращенной в скромную операционную. На большом столе лежал покойник, по плечи укрытый простыней. Над покойником стоял человек чуть за тридцать лет. При их приближении человек поднял голову.

— Мисс Фентон! — просиял он. — Я получил вашу записку, в которой говорилось, что вы придете, и все подготовил.

Значит, пока он был у сэра Уильяма, Абигайль предупредила доктора запиской, подумал Дэниел. Очень умно.

— Доктор Кин, это Дэниел Уилсон, — представила их друг другу Абигайль.

— Рад знакомству, доктор, — сказал Дэниел, и мужчины пожали друг другу руки.

Затем он перенес свое внимание на тело. Мужчина лет сорока, черты лица которого заставляли предположить в нем иностранца, решил Дэниел. Форма носа, высокие скулы и цвет кожи напомнили Дэниелу арабов, которых он повидал, когда служил в Скотленд-Ярде, особенно в отделении близ лондонских доков.

Тело было обложено льдом, призванным замедлить

тление, однако с момента смерти прошло три дня, и в воздухе стоял безошибочно узнаваемый запах разлагающейся плоти. Дэниел покосился на Абигайль и с уважением осознал, что ее вид смерти, кажется, не волновал вовсе. В бытность его сотрудником лондонской полиции он навидался и констеблей, и сержантов, которые не выносили вида насильственной смерти и запаха разложения. Впрочем, только поначалу: если такой неженка мог справиться с собой и оставался на службе, со временем он приобретал определенную закалку. Не то чтобы он начинал относиться к смерти равнодушно — Дэниелу и самому это никогда не удавалось, — но переставал ужасаться физическим ее проявлениям: запаху, виду распадающейся плоти, запекшейся крови и глазам, вылезавшим из глазниц.

Ему подумалось, что нестигаемость Абигайль может объясняться работой в Египте, где — по ее же словам — смерть и все, что смерти сопутствует, представляет собой обычное повседневное зрелище. То же самое мог сказать и Дэниел в годы, когда работал в Уайтчепеле и в Ист-Энде.

— Благодарю вас за то, что позволили нам осмотреть тело, доктор, — сказал Дэниел. — Я думал, что инспектор Дрэббл может запретить нас пускать.

— Он и запретил, — сказал доктор Кин, — но здесь не он распоряжается. А уж когда я получил записку от сэра Уильяма с просьбой содействовать расследованию и тому, на кого оно возложено, я с радостью согласился.

— Сэр Уильям упоминал обо мне? — сказал Дэниел, чувствуя себя польщенным при мысли о том, что его имя знают так далеко от Лондона.

— Да, но если бы не упоминание мисс Фентон, я скорее заподозрил бы в вас досужего зеваку. У нас тут порой бывают, так сказать, любители острых ощущений, особенно

дамы, которым хочется посмотреть на трупы. Но когда сэра Уильяма написал, что в расследовании участвует мисс Фентон, у меня развеялись последние подозрения.

Он повернулся к Абигайль:

— Как постоянный посетитель музея Фицуильяма я глубоко восхищен вашей работой с греческими и римскими коллекциями, а теперь и с египетской.

— Спасибо, доктор, — ответила Абигайль, и Дэниел заметил, что щеки у нее слегка порозовели. «Что это — удовольствие от такого своеобразного комплимента или все дело в том, что доктор Кин молод и хорош собой, хоть он уже далеко не юноша? Женат ли он?» — подумал Дэниел. И тут же мысленно отвесил себе оплеуху. Это его не касается — он здесь по делу.

Доктор Кин отвел край укрывающей тело простыни так, чтобы оно оставалось прикрыто по пояс и посетителям было лучше видно.

— Полагаю, ему лет пятьдесят с небольшим, — сказал доктор Кин. — Судя по цвету кожи и специфическим чертам лица я предположил бы, что он родом со Среднего Востока.

— Согласна, — сказала Абигайль. — Он очень похож на людей, которых я во множестве видела в Египте.

Дэниел указал на руки покойного:

— Руки мягкие, без мозолей — для мужчины его лет это странно. — Он наклонился и присмотрелся внимательней. — На большом и указательном пальце правой руки след чернил. Бледный, но отчетливый.

— Человек, который много пишет, — пробормотала Абигайль.

— У него сломана шея, не так ли, доктор? — спросил Дэниел.

Кин кивнул.

— Удар в основание черепа, нанесен твердым предметом.

— Можно ли предположить, что на него упала крышка саркофага? — спросил Дэниел.

Кин натянуто улыбнулся.

— Теория инспектора Дрэббла? — Он покачал головой: — Нет, его убили чем-то тяжелым и узким. Железным прутом или чем-то наподобие этого.

— Вы уже сообщили о своих выводах инспектору? — спросила Абигайль.

— Да, — ответил Кин. — Он сказал, что я ошибся.

— Что у покойного было из вещей? — спросил Дэниел.

— Только одежда. Больше ничего — ни бумажника, ни денег.

Он подвел посетителей к шкафу, открыл его и извлек поднос, на котором лежал серый костюм, белая рубашка, носки, мужское белье и пара черных кожаных туфель, начищенных до блеска. Поверх всего этого лежал целлулоидный воротничок и галстук с маленькими красными полумесяцами на черном фоне.

Дэниел взял каждую вещь по очереди и внимательно осмотрел. На подкладке пиджака обнаружилась метка портного, на которую он указал остальным.

— Каир, — заметил он. — Египтянин. Но написано по-английски.

— Значит, этот портной шьет на англичан, — кивнул Кин.

— И на египтян из высшего общества, — добавила Абигайль.

— И руки человека, не знавшего тяжелого труда. Все сходится. Ткань хорошая, качественная, туфли тоже. Но следы чернил на руках говорят о том, что он был не из богатых бездельников и своим трудом зарабатывал на кусок хлеба.

— Он получил образование, — заметил Кин.

Дэниел кивнул.

— Не могли бы вы его сфотографировать? — попросил он. — Только лицо.

— Полагаете, это поможет вам установить его личность?

— Возможно, — ответил Дэниел.

— Договорились, — сказал Кин. — Я охотно сделаю все, что нужно, если это поможет выяснить, что же произошло с беднягой.

Дэниел и Абигайль вышли из больницы в теплый солнечный кембриджский день. Дэниел заметил:

— С доктором Кином нам определенно повезло. Не все так охотно идут навстречу.

— Он очень умный, — сказала Абигайль.

И при этих словах снова слегка покраснела, заметил Дэниел. «Неравнодушна к доктору», — подумал он и спросил себя, взаимно ли это чувство, но тотчас же укорил себя за не деликатность. «Ты здесь по делу», — резко напомнил он себе.

— Ну-с, — сказал он, — что вы думаете о жертве?

— Это не обычный грабитель, — сказала она. — Образованный человек — это мы все сразу поняли. — Она нахмурилась. — Но ни единого документа, который позволял бы установить личность.

— Документы мог забрать убийца, чтобы жертву не опознали, — сказал Дэниел.

— Тогда почему он просто не унес тело? — спросила Абигайль.

— Наверное, его почему-то было трудно вынести из музея, — задумчиво сказал Дэниел. — Подытожим: образованный человек, скорее всего, египтянин, много пишет,

интересуется египетскими артефактами так сильно, что даже вломился в музей Фицуильяма ночью.

— Ученый, — сказала Абигайль.

— Вот и я так подумал, — согласился Дэниел.

— Вы намереваетесь взять у доктора Кина фотографию убитого и показывать во всех колледжах на случай, если его узнают?

— Я думал об этом, — сказал Дэниел, — но тут есть одна загвоздка: если он никак не связан с местными колледжами, если, например, приехал совсем недавно, мы будем искать напрасно. Но он должен был где-то остановиться. В пансионе, в гостинице, у друзей, наконец. Поэтому я намерен дать в местной газете объявление, пусть напечатают его фотографию с подписью: «Вы знаете этого человека? Если он вам знаком, сообщите...» — и дальше мое имя и адрес, по которому я остановился, а также адрес музея Фицуильяма.

— Но почему именно объявление? Отчего бы газете не напечатать целую статью о случившемся?

— Потому что только так я могу быть уверен в точности формулировок, — пояснил Дэниел. — Я не понаслышке знаю, как газетчики перевирают факты. Или делают далеко идущие выводы, и тоже ошибочные. Если мы попробуем преподнести им случившееся как тему для статьи, они начнут выпытывать все, что мы знаем или о чем догадываемся, а если мы ничего не скажем, выдумают что-нибудь сами.

— Теперь понимаю, — сказала она. И повернулась к нему: — Не могли бы вы добавить в объявление и мое имя, мистер Уилсон? Не исключено, что вы будете заняты расследованием, а я большую часть времени провожу в музее. И если туда придет кто-либо, располагающий сведениями... — Она улыбнулась. — Кроме того, вы же ска-

зали инспектору Дрэбблу, что мы будем работать над этим делом вместе.

— Да, сказал. Благодарю вас, это будет чрезвычайно удобно. — И, повинуясь внезапному импульсу, Дэниел добавил: — Мисс Фентон, простите, если это прозвучит как дерзость, но возможно, вы не отказались бы в свободное время показать мне Кембридж? Я здесь впервые, и...

Он увидел промелькнувшую на ее лице тревогу и сомнение — мимолетные, но явственные; она тотчас же улыбнулась, но то была вежливая улыбка, лишенная тепла и искренности, которые звучали в ее словах всего несколько секунд назад.

— С удовольствием, мистер Уилсон. Но может быть, не сегодня? Мне необходимо вернуться в музей и заняться коллекциями. Ведь это сейчас основная моя работа.

— Конечно, — кивнул Дэниел. — Только не считите за труд, покажите мне, пожалуйста, в какую сторону идти к пансиону, в котором меня поселил сэра Уильяма.

Достав конверт, полученный от сэра Уильяма, он передал его Абигаиль.

— А, пансион миссис Локсли. — Она вернула конверт и указала на уходившую в сторону от колледжа улочку: — Это Грин-стрит. Ступайте по ней и в самом конце поверните налево — выйдете на Сидни-стрит. Пройдете мимо Сидни-Сассекс-колледжа, что будет справа, перейдете Джизус-лейн. Сидни-стрит переходит в Бридж-стрит, там и будет дом миссис Локсли, сразу по правую руку.

— Благодарю вас, — с легким поклоном сказал Дэниел. — Если я что-нибудь обнаружу, то непременно сообщу в музей.

Абигаиль торопливо зашагала прочь, чувствуя, что краснеет, и обругала себя идиоткой. Он ведь ясно дал понять,

что не имеет предосудительных намерений, так почему же она тогда так отреагировала? Он ведь, кажется, был искренен. И честен.

Но Эдгар тоже выглядел искренним и честным, и она ответила на его чувство. Отдала ему свое сердце. А он бросил ее — бросил жестоко и бессердечно. Она была для него не более чем игрушкой. И чего тогда стоили все те обещания и взгляд чарующих голубых глаз, взгляд, в котором сквозила неизменная честность и теплота?

«Как я была глупа. Глупа и легковерна. Но больше такому не бывать».

Внезапная холодность Абигаиль Фентон изрядно озадачила Дэниела — можно подумать, он сделал ей непристойное предложение! Он действительно всего лишь просил показать ему город, чтобы в этом самом городе освоиться; всегда лучше знать окрестности самому, нежели полагаться на карту. Однако, судя по выражению лица Абигаиль, просьба ее насторожила.

Но почему? Вероятно, он что-то не то сказал или сделал; как-то не так себя повел. И она истолковала это самым неудачным образом. Очевидно, надо следить за собой, надо соблюдать приличия. Отныне он будет тщательно держаться на расстоянии и сведет общение к делам профессиональным. И никаких личных вопросов. Никаких неделикатностей.